

Константин КОМАРОВ

Родился в 1988 году в Свердловске. Выпускник филологического факультета Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина. Кандидат филологических наук, специалист по творчеству Владимира Маяковского, поэзии Серебряного века, современной литературе.

Как поэт и литературный критик публиковался в журналах «Дружба народов», «Нижний Новгород», «Урал», «Звезда», «Нева», «Октябрь», «Знамя», «Новый мир», «Вопросы литературы», «Дети Ра» и других. Автор нескольких книг стихов и сборников литературно-критических статей.

Лауреат премии «Восхождение», а также премий журналов «Нева», «Урал», «Вопросы литературы». Постоянный участник Форума молодых писателей «Липки».

Член Союза российских писателей. Живет в Липецке.

ОСТАВАЙСЯ ЗДЕСЬ

* * *

Белее боли, но не более,
мороз болтается в окне.
Сравнение тебе любое ли
пойдёт, забывший обо мне?

Нет, не любое, но правдивое –
с тем, чтоб, в ковёр уйдя по грудь,
с метафор пятнышки родимые
невинной строчкой сковырнуть

и дальше развлекаться стансами,
по Блоку, невпробудь, греша.
Кому уйти, а мне остаться ли –
есть те, кто за других решат.

Но в хлопьях мелового выдоха,
в расплаве зимних микросхем
я вижу, как ты за ночь вымахал –
не отвернувшийся совсем.

* * *

Куда-то исчезает вся решимость
судьбу перекроить на новый край,
когда под щётки траурным нажимом
из дёсен льётся утренняя кровь.

И ты, от гнёта влажного давления
стремясь освободиться поскорей,
сам у себя выходишь из доверья,
как из закрытых наглухо дверей,

не успевая даже удивиться,
что в хватке коридоровых клешней
скрипение обычной половицы
насилья половецкого страшней.

Как будто пьяный дворник двухметровый,
освоивший немало злых метод,
огромной металлической метлою
твой тротуарный мозг всюду метёт.

Ты движешься, хромая по хоромам
автобусных гниющих животов,
и каждому знакомому харону
пугливо отвечаешь: «Не готов».

И, ослеплённый темнотой ребристой,
спускаешься в корявую кровать,
где простынь тихо ждёт тебя, как пристань,
к которой не пристало приставать.

Но и смирясь с сей фавбулою жалкой,
качая головою, как ковыль,
не выбьешь ни под пыткой, ни под палкой
из снов ковровых – золотую пыль.

И засыпая (тяжело, не сразу),
уйти готовясь в праведный разнос,
услышишь вдруг напутственную фразу,
пока её никто не произнёс.

* * *

В ночи пытаюсь бессюжетной
нащупать слабый голос свой,
её ты ощущаешь жертвой,
своей добычей и жратвой.

Но лишь она тебя отринет,
уронит, как последний грош,
в гортани запершит гордыня,
в картавых пальцах вспыхнет дрожь.

А что уловит слух открытый –
извечный слепоты сатрап –
секундных стрелок хруст артритный
и часовых надрывный храп

да ветра хриплые тирады
(что, как деревья, гнёт понты)

о неразрывности триады
мечты, тоски и немоты.

И лишний, словно грустный леший,
способный вызвать смех и страх,
рассвет придёт, вишнёвый внешне
и обезвоженный внутрих.

И ты, поевши никотина,
ночную поумерив прыть,
опять помыслишь негативно
о перспективе говорить –

за полной атрофией речи,
которая теперь черна.

И вечер наступает резче
и тяжелее, чем вчера.

* * *

Есть бытие – не сущее,
рассеянное в дым.
Есть бытие несущее,
где ты любим любим;

где мечутся, как дафнии,
кормя слепой восторг,
воспоминанья давние
и сердца пуст острог;

где прозреваешь порознь
партнёра и патрон,
где молодеет поросль –
бумагою в картон;

где ты передвигаешься
в единственном числе:
сперва – навроде дайвинга,
а после – на осле;

где слёзы сходят дробные
последней похвалой,
где рыба пахнет рёбрами,
а плаха – пахлавой;

где дождь мешает в кашницу
сухого снега смесь.

И если там окажешься,
то оставайся здесь.